

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-25-41>

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

УДК 81.27

Михаил А. Марусенко

Санкт-Петербургский
государственный
университет,

Российская Федерация

Наталья М. Марусенко

Санкт-Петербургский
государственный
университет,

Российская Федерация

Аннотация

В статье рассматривается формирование и эволюция языковых идеологий в период перехода от модерна к постмодерну. Концепт «языковые идеологии» охватывает всю совокупность исследований, которые изучают проблемы осознания носителями своего языка и дискурса. Языковые идеологии всегда несут моральную и (или) политическую нагрузку. Они наделяют некоторые языковые формы или варианты языка (например, стандартные языки) большей ценностью, чем другие. Языковые идеологии могут конвертировать определенные языковые практики в символический капитал, который приносит экономические и социальные выгоды. Из маргинальной тематики они превратились в центральную проблему и выработали свой собственный набор понятий, отличающий их от других направлений лингвистических исследований. К 1980-м гг. исследователям удалось найти аналитический баланс между активностью носителей языка и структурой социальных систем. В конце XX – начале XXI вв. исследования в этой области сконцентрировались вокруг идеологических корней социального неравенства и доминирования форм сознания, которые поддерживали или сопротивлялись доминированию стандартных языков над нестандартными вариантами, мажоритарных языков над миноритарными и культурной власти одних социальных групп над другими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая идеология, социолингвистика, лингвистическая антропология, варианты языка, стандартизация языка, социальное неравенство

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-25-41>

LANGUAGE IDEOLOGIES IN THE POSTMODERN ERA

UDC 81'27

Mikhail A. Marusenko

Saint-Petersburg State University,
Russian Federation

Natalia M. Marusenko

Saint-Petersburg State University,
Russian Federation

Abstract

The article examines the formation and evolution of linguistic ideologies during the transition from modernity to postmodernity. The term *linguistic ideologies* encompasses a body of research that investigates how native speakers perceive and conceptualize their own language and discourse. Linguistic ideologies inherently bear moral and/or political significance, as they assign differential value to particular linguistic forms or varieties, such as standard languages, over others. These ideologies can transform specific linguistic practices into forms of symbolic capital that yield economic and social advantages.

Over time, the study of linguistic ideologies has evolved from a marginal topic to a central field of inquiry, developing a distinct conceptual framework that differentiates it from other areas of linguistic research. By the 1980s, scholars had achieved an analytical balance between the agency of language users and the structural dynamics of social systems. In the late twentieth and early twenty-first centuries, research in this domain increasingly focused on the ideological underpinnings of social inequality and domination, as well as on the modes of consciousness that either supported or resisted the hegemony of standard over non-standard varieties, majority over minority languages, and the cultural dominance of certain social groups over others.

KEYWORDS: linguistic ideology, sociolinguistics, linguistic anthropology, language variants, language standardization, social inequality

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Mikhail A. Marusenko, Natalia M. Marusenko, 2025

1 | Введение

В триаде «языковая идеология → языковая политика → языковое строительство» целеполагающей является языковая идеология.

Языковые идеологии (*language ideologies, linguistic ideologies, ideologies of language*) – это представления носителей языка о его структурах и их использовании, как правило, связанные с политическими и экономическими интересами как индивидуальных носителей, так и этнических групп и национальных государств [Kroskrity, 2010].

Сегодня теоретическое понятие «языковые идеологии» (во множественном числе) относится к совокупности исследований, которые изучают проблемы осознания носителями своего языка и дискурса, а также то, как их положение в политico-экономической системе определяет их мысли, высказывания и оценки языковых форм и дискурсивных практик [Kroskrity, 2000]. Работы по этой тематике зародились в рамках лингвистической антропологии благодаря работе М. Сильверштейна «Языковая структура и языковая идеология», который, основываясь на идеях Б.Л. Уорфа, показал влияние языковых идеологий на формирование языковых структур. Сильверштейн утверждал, что рефлексия носителей относительно своего языка часто является основным фактором, определяющим эволюцию языковых структур. Он определил языковые идеологии как «любой набор мыслей о языке, выражаемых его носителями для рационализации или оправдания существующих языковых структур и их использования» [Silverstein, 1979].

Языковые идеологии имеют своим предметом не сам язык, а отношения между языком и другими социальными феноменами, включая широкий диапазон явлений от идентичности (этнической, гендерной, расовой, национальной, локальной, возрастной, субкультурной и др.) до глобальных концепций личности и моделей человеческого поведения [Woolard, 2021: 2]. Языковые идеологии существуют как в виде ментальных конструктов и их вербальных выражений, так и в форме воплощенных практик и предрасположенностей, т. е. того, что П. Бурдье называл габитусом [Богданов и др., 2020].

2 | Становление языковых идеологий как сферы исследований

В XX в. языковые идеологии считались маргинальной сферой исследования, потому что, по мнению большинства лингвистов, они не могли отражать фундаментальные языковые структуры.

Когда язык стал центром проекта модерна, сформировавшийся сегодня комплекс социальных форм не существовал ни в Европе, ни где-нибудь еще. Поэтому Джон Локк не принял европейские (континентальные) идеи о языке, о письменных и устных формах и не возводил их в ранг универсалий. Он развивал идеи Френсиса Бэкона и его единомышленников из Королевского общества, принял их дискурсивные практики, которые сегодня ассоциируются со схоластикой, а разговорные формы оставил беднякам, торговцам и женщинам, считающимся главными препятствиями для модерна. Многие формы языка (поэтические, риторические, рефлексивные и персуазивные) он считал враждебными концептуальному и политическому порядку. Эта редукционистская, атомистическая и индивидуалистическая концепция языка стала образцом, но не для коммуникации, а для рационального и социального мышления.

Задачей Локка и его последователей было формирование субъектности модерна и субъектов, познающих истину и выражают интересы человечества, истины и природы, а не свои собственные или какого-нибудь социально или территориально ограниченного сообщества. Язык стал ключевым маркером в дихотомии локальное/глобальное или провинциальное/космополитическое. Поскольку все высказывания, как письменные, так и устные, должны были подвергаться пурификации, деконтекстуализации, уточнению и рационализации, каждый человек находился под постоянным наблюдением, в зависимости от того, насколько он воплощал в себе модель субъекта эпохи модерна. Идеологическая чистота и языковой пуританство создали основу для широкого распространения социолингвистических гибридов. Являясь теоретиком образования, Локк создал модели для обучения индивидов тому, как использовать речь в тех или иных ситуациях. Так как речевые формы были очень разнородными, стандартизация языка служила созданию форм и практик, которые становились образцами для привилегированных слоёв общества, а также гибриды, которые связывали чистые речевые формы с просвещенными социальными классами. В центр процесса гибридизации Локкставил образование, потому что именно в нем создаются гибридные языковые формы и формы социолингвистического подчинения, которые определяют социальные отношения через ограничения доступа к образованию и создание механизмов контроля. Напомним, что женщины, даже принадлежащие к земельной аристократии, должны были получать только элементарное домашнее образование, тогда как мужчины, принадлежащие к элите, должны были изучать грамматику и становиться образцовыми языковыми моделями. Научно-языковые гибриды, возникающие в дискурсивных практиках,

ассоциирующихся с механистической философией, становились моделями языкового, социального и политического порядка.

Век спустя Иоганн Гердер возродил проект модерна, включив в него некоторые языковые конструкции, которые Локк хотел ликвидировать. Этот тип гибридизации, объединивший социальные категории, народ и языковую картографию, в конце XVIII и в XIX вв. стал доминирующим. Затем братья Якоб и Вильгельм Гримм овеществили эти намерения и поставили их на научную основу, создав для германской нации национальный язык, словарь, грамматику, легенды и сказки, оправдав таким образом идеологию гибридизации.

В завершение этой научной парадигмы Франц Боас разработал средства пурификации и гибридизации языка в новых условиях постмодерна, рационализма и космополитизма. Традиция связи языка с природой, наукой, обществом и политикой продолжает выполнять ключевую функцию в постмодерновых проектах и создании новых форм социального неравенства. И то, что сегодня кажется новым, часто имеет поразительные сходства с тем, что существовало ранее, иногда за несколько веков до нашего времени.

Признание центральной роли языковых идеологий произвело драматический концептуальный переворот как в антропологии, так и в лингвистике. В антропологии это связано с работами Ф. Боаса, уделявшего больше внимания дескриптивному анализу и исторической лингвистике, чем культурной обусловленности речи. В лингвистике в XX в. большое влияние на языковые идеологии оказали идеи Ф. Соссюра и В.Н. Волошинова, которые отрицали идеологический характер системы знаков [Волошинов, 1993], что привело к маргинализации и прямому запрету исследований в этой области лингвистики.

За то время, когда языковые идеологии превращались из маргинальной тематики в центральную проблему лингвистики, в них был выработан собственный набор понятий, отличающий их от других направлений лингвистических исследований [Kroskrity, 2024]:

- 1) языковые идеологии представляют язык и дискурс как ментальные конструкты, которые используются в интересах конкретных социальных, политических или культурных групп;
- 2) множество языковых идеологий объясняется разнообразием социальных делений (класс, гендер, раса, этнос, образование, возраст, регион и т.д.);
- 3) разные группы носителей языка имеют разную осведомленность о глобальных и локальных языковых идеологиях;
- 4) языковые идеологии являются посредниками между социальными структурами и языковыми формами.

Историография языковых идеологий свидетельствует не только об их производстве, но и о постоянном воспроизведении. При рассмотрении роли языковых идеологий в формировании социальных идентичностей (включая этническую, гендерную, автохтонную и национальную) становится очевидным, что языки давно используются для определения границ между социальными группами. Еще И. Гердер и другие европейские философы считали естественным примордиальное единство языка, нации и государства, а современные теоретики национализма настаивают на использовании общего языка как на главном способе сохранения «воображаемого сообщества» национальной идентичности [Anderson, 1991].

В наше время исследования в области лингвистической антропологии сосредоточены на изучении социального характера коммуникации, что привело к признанию доминирующей роли носителей языка. Исследования в этой области направлены на анализ идеологических корней социального неравенства и политического доминирования, а также тех форм сознания, которые поддерживают доминирование стандартных языков над нестандартными, мажоритарными над миноритарными или сопротивляются ему.

Стандартизация и кодификация национальных языков привели к доминированию идеологии стандартного языка, хотя декларируемой целью этих мероприятий обычно является достижение более эффективной коммуникации. Результатом стандартизации является создание норм, вследствие чего формы речи, отклоняющиеся от стандартных (а также их носители), считаются неполноценными и второсортными [Gal, 2006: 171].

Стигматизация тех вариантов языка, которые не вписываются в эту эксклюзивную идеологию доминирования, ведет к смене (language shift) или потере языка (language loss). Еще одним последствием стандартизации и кодификации становится языковой пуританство, когда «хранители языка» пытаются препятствовать заимствованиям из других языков, чтобы не загрязнять стандартную форму нестандартными и, по определению, второсортными языковыми формами [Fuller, 2012: 10].

У. Вайнрайх в 1953 г. впервые показал, что чисто лингвистические критерии являются недостаточными для понимания последствий языковых контактов и что задачи лингвистической теории требуют изучения носителей языка и социумов, в которых они живут [Weinreich, 2010]. Поэтому изучение языковых контактов должно производиться параллельно с изучением непосредственного контекста, т.е. социальных структур, внутри которых взаимодействуют носители. Существуют два сценария развития языковых контактов (сохранение языка или интерференция путем смены языка), выбор одного из которых определяется иерархией языковых и социальных факторов, зависящих от языковых

идеологий. Каждый сценарий имеет свой набор параметров, от которых зависит, какой языковой материал должен передаваться, заимствоваться или воспроизводиться, и почему в ситуации устойчивого двуязычия заимствование происходит на лексическом уровне, а на стадии смены языка в первую очередь страдают фонологические и синтаксические элементы. Несмотря на некоторые разногласия, в научном сообществе сложился консенсус относительно того, что социальные факторы являются важными детерминантами результатов контактов и взаимодействуют с языковыми факторами.

В конце XX в. раздались голоса ученых, заговоривших о «провинциализации» Европы. Они имели в виду, что категории и отношения, связанные с определенными местами и временами, усилиями европейских исследователей были возведены в ранг универсалий и стали использоваться для описания всего мира и доминирования над ним. Сегодня Европа, а с ней и весь мир, пытаются депровинциализироваться. В этом постмодернистском проекте центральную роль играют языковые конструкции (включая языковые идеологии и метадискурсивные практики) и традиции.

3 | Современные исследования в области языковых идеологий

Сегодня языковые идеологии постмодерна представляют собой системы идей, которые обслуживали и продолжают обслуживать национальные государства и их институциональные приданки, в частности, образование с целью установления или поддержания существующего политического режима. Они рассматривают языки как кодифицированные с помощью специальных языковых артефактов (словарей, грамматик и т.д.), имеющие собственные имена (английский, турецкий, арабский и т.д.), носители которых имеют четко определенные этноязыковые идентичности (Я являюсь носителем языка X, следовательно, я принадлежу к группе Y). Эти идеологии, содействующие поддержанию национального порядка, концентрируются вокруг двух основных идей: создания стандарта или нормы языкового поведения, общих для всех жителей национального государства, и отказа от гибридности или двусмысленности любой формы языкового поведения. Первая из этих двух тесно связанных идей является целью, достижению которой способствует вторая. Так, отказ от гибридности в любой форме (на письме или в произношении) подразумевается при выработке языкового стандарта. Стандартный язык представляется как норма и торгуется на рынке как правильная форма официального или национального языка. Он часто ассоциируется с моральными ценностями своих носителей.

Поскольку языки рассматриваются как конечные сущности, ограниченные синтаксическими правилами и грамматиками, их использование может подвергаться оценке: некоторые носители языка могут оцениваться выше, чем другие. Так, в образовательных учреждениях разделение учеников по уровням владения стандартным языком или использования школьного варианта какого-либо языка оказывает сильное влияние на формирование идентичности.

С этим связано понятие индексации: любая языковая единица несет идеологическую нагрузку дополнительно к своему референциальному значению, кроме того, она обладает pragmatischen или социальным значением, т.е. индексируемостью. Другими словами, любая единица языка, которую мы используем, потенциально может оцениваться по отношению к норме и сравниваться с другими, используемыми в том же социальном пространстве. Самым наглядным примером индексации является оценка акцентов, которая встроена в народный дискурс о языке (деревенский или столичный акценты). Так, акцент может оцениваться как «красивый», престижный и характеризует говорящего как хорошо образованного. Индексирование является когнитивным цементом, который связывает использование языка с социальными понятиями, и это происходит с помощью институционально одобряемого оценочного дискурса. Это означает, что любой речевой акт включает в себя идентичностный аспект и что индексация является показателем групповой принадлежности [Spotti, 2011: 32].

Еще одним аспектом применения языковых идеологий являются ситуации смены языков и попытки развернуть эту ситуацию в обратном направлении.

Толчок к росту интереса к этой теме дала статья М. Краусса [Krauss, 1992], предсказавшего, что половина существующих языков исчезнет в XXI в., а большинство остальных (кроме самых широко распространенных) перейдут в категорию языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Неудивительно, что ажиотаж вокруг языков, находящихся в опасности, начавшийся в 1990-е гг. и основанный на чисто количественном подходе к языковому разнообразию, вызвал к жизни движение, получившее название ревитализация. Основоположником этого движения считается американский антрополог Энтони Уоллес, изучавший традиционные верования коренных народов Америки и изложивший свои взгляды в статье «Revitalization Movements» (1956). Уоллес выделил четыре основных типа движений за возрождение языков: 1) нативистские, которые стремятся устраниć из своей культурной системы иностранные элементы; 2) хилиастические, делающие ставку на радикальные трансформации; 3) ревиталистские, направленные на восстановление обычая, институтов и ценностей,

существовавших раньше; 4) виталистские, признающие ценность чужих элементов для культурной системы [Wallace, 1956]. Каждое существующее на данный момент движение может относиться либо к одному чистому типу либо представлять собой смесь элементов разных типов.

Процесс возрождения языка может включать в себя несколько параллельных процессов. Прежде всего, это должны быть меры по приобщению к исчезающему языку молодых носителей (revitalization), затем к ним могут добавляться меры по активизации и расширению использования возрождаемого языка в языковом сообществе при отсутствии активных носителей этого языка (renewal) и, наконец, меры по изучению исчезающего языка с использованием исторических источников (reclamation). Можно отметить, что термины, используемые в лингвистическом дискурсе по этой теме, обозначают разные понятия, но у них есть одна общая сема – префикс *re*- у существительных или прилагательных. Таким образом, все они обозначают всего лишь возврат к прежнему состоянию.

В идеологии возрождения языка применяются не только сами идеи, но и мифы, содержащие, кроме моделей поведения для носителей, наборы изменений, которые действующие агенты должны произвести в целях возрождения. Эти мифы касаются, как правило, либо древнего происхождения языкового сообщества, либо замены его на новый миф о блестящем будущем данного языкового сообщества. Замена одного мифа на другой происходит в процессе жесткой идеологической борьбы внутри языкового сообщества, в котором доминирующая группа пытается навязать свою точку зрения на идентичность, будущее и прошлое сообщества всем остальным, придать легитимность социальному разделению данного сообщества и сохранить свои привилегии [Bourdieu, 1991].

На смену мифу о прежнем величии языков, находящихся под угрозой исчезновения, пришел миф о стандартном языке, являющийся одной из старейших языковых идеологий.

Старейшее определение стандартного языка принадлежит О. Есперсену: «это язык тех носителей, по чьему произношению нельзя понять, из какой они местности» [Jespersen, 1925]. Уже тогда вставал вопрос, можно ли считать реальностью общий язык, если он не позволяет определить, из какого региона происходят его носители. На практике определить регион происхождения носителя стандартного языка очень легко, но лингвисты, сторонники позитивистской философии, считают, что с течением времени разрыв между стандартом и языковой реальностью должен сглаживаться. Этот процесс сглаживания различий считался необратимым: «идеал будущего или ... конечная точка, к которой идет развитие, это та, в которой оба станут одинаковыми; другими словами, человек, который хочет говорить

цивилизованно, будет сознательно стремиться к избавлению от всего диалектного» [Haeringen, 1924: 65-66]. В западноевропейской традиции основным элементом определения стандартных языков стал критерий региональной безакцентности. Из Европы он распространился на другие страны и континенты, в частности, на идеологию стандартного языка в США. И в наши дни отсутствие регионального акцента является важнейшим признаком стандартного языка, потому что «мы хотим, чтобы язык был географически нейтральным, так как думаем, что эта нейтральность принесет с собой расширение круга общения» [Lippi-Green, 2012: 60].

Особую актуальность проблема стандартных языков приобрела со второй половине XVIII – первой половине XIX в., так как в это время этнический национализм превратился в политическую идеологию, что привело к образованию европейских национальных государств. Языковая стандартизация стала основным методом реализации языковых идеологий, важнейшим историческим и культурным феноменом эпохи модерна. Только с переходом к постмодерну мифы и идеологии, связанные с формированием стандартных языков, стали объектами социолингвистического исследования.

Что касается нейтральности стандартных языков, она представляет такой же миф, как и сами стандартные языки. Выделяются два типа нейтральности: нейтральность как общее пространство и нейтральность как немаркированность [Rutten, 2016: 28]. В первом случае языковые формы или варианты считаются нейтральными в том смысле, что эти общие формы используются для междиалектной коммуникации. Но такие формы не являются нейтральными, поскольку они имеют разное региональное и (или) социальное происхождение и используются носителями с очень разными региональными и социальными корнями. В историческом металингвистическом дискурсе общие формы считаются дополнительными, а нейтральный вариант языка – дополнительным вариантом для специальных целей. Развитие стандартных языков не заменяет существующие варианты, но добавляет новое измерение к социолингвистическому пространству.

Но уже в 1800-х гг. нейтральность как общее пространство трансформировалась во второй тип – нейтральность как немаркированность. Произошел дискурсивный сдвиг, при котором общие формы больше не определяются как используемые для междиалектной коммуникации, а становятся стандартными, тогда как другие формы и варианты, которые раньше использовались как общие, становятся необщими и нестандартными, из-за чего их следует избегать.

Появление и развитие социолингвистики в XX в. привело к пониманию того, что для определения стандартного языка необходимо использовать социолингвистические признаки, связанные с расовым, этническим, социальным и образовательным статусом носителей, а не ограничиваться только чисто лингвистическими признаками.

В самом чистом виде эта идеология реализуется в американском варианте английского языка. Сегодня для обозначения варианта английского языка, на котором говорят (Standard English – SE) и пишут (Standard Written English – SWE) образованные носители, используется противоречивый термин – стандартный английский. Это понятие трудно поддается определению, но оно широко используется в самых разных сферах, хотя даже образованные люди не знают, что оно значит (для стандартного американского английского чаще используется термин «общий английский» – General American (GA)).

Наиболее полным рабочим определением термина «стандартный английский» является следующее: «Стандартный английский (далее SE) – это форма английского языка, подвергшаяся существенной регламентации и ассоциирующаяся с формальным образованием, оценками уровня владения языком. Он включает все языковые признаки (морфологию, фонологию, синтаксис, лексику, речевые регистры, дискурсивные маркеры, прагматику), а также признаки письменного языка SWE (орфографию, пунктуацию, правила использования прописных букв и образования аббревиатур)» [Standard English, 2024].

На сегодняшний день следующие национально-территориальные варианты английского языка обладают статусом SE: 1) австралийский, новозеландский и южнотихоокеанский стандартный английский; 2) британский и ирландский стандартный английский; 3) американский стандартный английский (General American); 4) канадский стандартный английский; 5) карибский стандартный английский; 6) восточно-, западно- и южноафриканский стандартный английский; 7) южноазиатский стандартный английский; 8) восточноазиатский стандартный английский.

На разных этапах стандартизации находятся многие национально-территориальные варианты английского языка, составляющие понятие «мировые английские» (Word Englishes). В результате, в мире существует не один стандартный английский, а много его национальных вариантов. Однако численность людей, говорящих на этих вариантах стандартного английского, невелика, потому что большинство их носителей говорят на своих местных диалектах английского, со своими собственными особенностями, которые могут значительно отличаться от национального стандарта. Каждый из этих вариантов стандартного английского

языка имеет свои собственные стандартные правила грамматики, орфоэпии, пунктуации, правописания и т.д.

Тот вариант стандартного английского, который используется в США, называется General American (сокр. GA). Этот вариант не имеет регионального акцента и представляет собой не географический, а социальный диалект, происходящий от северо-восточного диалекта Новой Англии, откуда иммигранты и печатные СМИ распространили его по всей территории США. Однако во многих крупных городских агломерациях США за последние 80 лет появились свои региональные диалекты, например, бостонский.

Модель английского языка, предложенная британским лингвистом П. Стревенсом, бывшим председателем Ассоциации по преподаванию английского языка как иностранного (IATEFL), строится на следующих положениях [Strevens, 1981: 1-9]:

- модель мировых английских может быть представлена в виде древовидного графа, показывающего, как разные варианты английского образовывались от американского и британского вариантов;
- ни один вариант английского не может быть выше или ниже любого другого, и английский больше не принадлежит тем, кто говорит на нем как на своем этническом языке;
- стандартные американский и британский варианты не обязательно лучшие для использования в школах и других формальных ситуациях в других странах, чем локальные варианты, легче принимаемые населением;
- «английский» (English) – это родовой термин, относящийся ко всем языкам, а «английские» (Englishes) – обозначают видовые варианты языка, входящие в это родовое понятие.

В странах, где английский является первым языком большинства населения, один из диалектов используется в национальном масштабе для официальных целей; он и становится стандартным языком (SE), который используется главным образом в печатных текстах и официальном дискурсе. Этот стандартный диалект характеризуется относительной внутренней однородностью в отношении грамматики, словаря, орфографии и пунктуации, из которых самой стабильной является грамматика.

Таким образом, стандартный английский в англоязычной стране является миноритарным вариантом, характеризующимся своим словарем, грамматикой и орфографией, имеющим высокий престиж и понимаемым большинством населения. Д. Кристал сформулировал основные признаки этого понятия [Crystal, 2003: 296]: 1) SE – это вариант английского языка, представляющий собой уникальное сочетанием языковых признаков,

используемых в особой функции; 2) оригинальные языковые признаки SE касаются преимущественно грамматики, лексики и орфографии, но не произношения; 3) SE – это наиболее престижный вариант английского в данной стране; 4) престижность SE разделяется большинством взрослых членов сообщества, которые рекомендуют его как цель для системы образования; 5) понятность SE большинству взрослого населения не делает его самым распространенным вариантом. Только меньшинство взрослого населения страны пользуется им в устной речи. Даже в письменной форме этот вариант остается миноритарным, потому что его использование является обязательным только в определенных целях (официальный дискурс).

4 | Заключение

На протяжении длительного исторического периода доминирующей языковой идеологией остается идеология стандартного языка. Сформировавшаяся в конце XVIII в. для содействия построению европейских национальных государств, она развивается и интенсивно используется в наши дни. Наглядным примером являются ведущиеся в России работы по кодификации русского языка как государственного. В то же время альтернативная идеология (ревитализация) представляет чисто лингвистический интерес и не имеет удачных примеров практической реализации (за исключением иврита).

Однако многие лингвисты считают, что сама идея существования разговорного стандартного языка представляет собой миф, т.е. гипотетический конструкт. Они предпочитают говорить об идеальном языке, с которым связано представление о высокой степени совершенства.

Основная функция мифа о стандартном языке – оправдание существующего социального порядка. Миф укрепляет традиционные социальные ценности, возводя традиции на пьедестал. Поскольку миф находит корни настоящего в прошлом, он становится социальной хартией будущего, которое будет точной копией настоящего.

Современные сторонники навязывания стандартных языков считают, что работа лексикографов сводится к нормированию узуса на разных уровнях. Они должны указывать, какой вариант является стандартным, а какой нет, является ли один вариант более низким, чем другой. Это молчаливое, общее мнение «хранителей языка» (писателей, издателей, журналистов, преподавателей, составителей нормативных словарей). Хотя необходимость внедрения стандартов в язык является спорной, кто-то должен делать это, потому что без

стандартов и структурных законов общество находится под угрозой языковой анархии [Kilpatrick, 1999].

Немногое изменилось с тех пор, как Джонатан Свифт в 1712 г. опубликовал послание графу Оксфордскому «Предложение об исправлении, усовершенствовании и уточнении английского языка» [Swift, 1712]. Он намеревался защищать английский язык от его носителей и считал, что имеет на это полное право. Эта идея использовалась нацистами во время Второй мировой войны, развесившими в Голландии плакаты, на которых было написано, что плохая грамматика разрушает нации [Lippi-Green, 2011: 56]. Она жива и в наши дни. Однако в рамках национально-функциональной парадигмы языковой политики главенствующая роль отводится носителям, что объясняет появление многочисленных вариантов, например, стандартного английского языка (Word Englishes).

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов С. И., Марусенко М. А., Марусенко Н. М. (2020) Языковой капитал в структуре человеческого и культурного капитала (социальные и образовательные аспекты изучения и использования языков). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 304 с.
- Вошинов В. Н. (1993) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / comment. В. Махлина. Серия: Бахтин под маской. М.: Лабиринт. 189 с.
- Anderson B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised edition. London: Verso. 224 p.
- Bourdieu P. (1991) *Language and Symbolic Power* / Trans. G. Raymond, M. Adamsom. Cambridge: Harvard University Press. 320 p.
- Crystal D. (2003) *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press. 296 p.
- Fuller J. (2012) *Spanish Speakers in the US*. Bristol: Multilingual Matters. 200 p.
- Gal S. (2006) Contradictions of standard language in Europe: implications for practices and publics // *Social Anthropology*. Vol. 14, No. 2. P. 163–181.
- Haeringen C. B. van. (1924) Eenheid en nuance in beschaafd-Nederlandse uitspraak // *De Nieuwe Taalgids*. № 18. P. 65–66.
- Jespersen O. (1925) *Mankind, Nation and Individual from a Linguistic Point of View*. Oslo: H. Aschehoug & Co. 232 p.
- Kilpatrick J. J. (1925–1966) *Papers*. University of Virginia Library, Charlottesville, Va. Available at: <http://ead.lib.virginia.edu/vivaead/published/uva-sc/vivadoc.pl?file=viu04061.xml>. Accessed: 08.12.2013.
- Krauss M. (1992) The world's languages in crisis // *Language*. № 68 (1). P. 4–10.
- Kroskrity P. V. (2010) Language Ideologies // *Handbook of Pragmatics*. Vol. 14. P. 1–24.
- Kroskrity P. V. (без года) Language ideologies: evolving perspectives. P. 195–200. Available at: https://www.researchgate.net/publication/285809637_Language_ideologies_Evolving_perspectives. Accessed: 12.12.2024.
- Kroskrity P. V. (2000) Regimenting Languages // *Regimes of Language: Ideologies, Polities, and Identities (School of American Research Advanced Seminar Series)* / ed. P. Kroskrity. Santa Fe, NM: School of American Research Press; Oxford: James Currey. P. 1–34.

- Lippi-Green R. (2012) English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. 2nd ed. London; New York: Routledge. 384 p.
- Lippi-Green R. (2011) The standard language myth // English with an Accent. London; New York: Routledge. P. 55–65.
- Rutten G. (2016) Standardization and the myth of neutrality in language history // International Journal of the Sociology of Language. № 242. P. 25–57.
- Silverstein M. (1979) Language Structure and Linguistic Ideology // The Elements / eds. P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer. Chicago: Chicago Linguistics Society. P. 193–248.
- Spotti M. (2011) Modernist language ideologies, indexicalities and identities: looking at the multilingual classroom through a post-Fishmanian lens // Applied Linguistics Review. Vol. 2. P. 29–50.
- Standard English. (2024) Available at: <https://www.hellovaia.com/explanations/english/international-english/standard-english/>. Accessed: 07.12.2024.
- Strevens P. (1981) What Is ‘Standard English’? // RELC Journal. Vol. 12 (2). P. 1–9.
- Swift J. A proposal for correcting, improving and ascertaining the English tongue. Available at: <https://jacklynch.net/Texts/proposal.html>. Accessed: 07.12.2024.
- Wallace A. F. C. (1956) Revitalization Movements // American Anthropologist. № 58. P. 264–281.
- Weinreich U. (2010) Languages in Contact: Findings and Problems. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 160 p.
- Woolard K. (2021) Language ideology // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology / ed. J. Stanlaw. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. P. 1–21.

REFERENCES

- Bogdanov, S.I., Marusenko, M.A. and Marusenko, N.M. (2020) *Yazykovoy kapital v strukture chelovecheskogo i kulturnogo kapitala (sotsialnye i obrazovatelnye aspekty izucheniya i ispolzovaniya yazykov)* [Linguistic capital in the structure of human and cultural capital (social and educational aspects of learning and using languages)]. St Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publishing House. 304 p. (In Russian).
- Voloshinov, V.N. (1993) *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v naуke o yazyke* / komment. V. Makhлина. Seriya: Bakhtin pod maskoy. [Marxism and the Philosophy of Language: The main problems of the sociological method in the science of language / commentary by V. Makhлина. Series: Bakhtin under the Mask]. Moscow: Labirint. 189 p. (In Russian).
- Anderson, B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised edition. London: Verso. 224 p.
- Bourdieu, P. (1991) *Language and Symbolic Power* / trans. G. Raymond and M. Adamson. Cambridge, MA: Harvard University Press. 320 p.
- Crystal, D. (2003) *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press. 296 p.
- Fuller, J. (2012) *Spanish Speakers in the US*. Bristol: Multilingual Matters. 200 p.
- Gal, S. (2006) Contradictions of standard language in Europe: Implications for practices and publics. *Social Anthropology*, 14(2), pp. 163–181.
- Haeringen, C.B. van (1924) Eenheid en nuance in beschaafd-Nederlandse uitspraak. *De Nieuwe Taalgids*, 18, pp. 65–66.
- Jespersen, O. (1925) *Mankind, Nation and Individual from a Linguistic Point of View*. Oslo: H. Aschehoug & Co. 232 p.

- Kilpatrick, J.J. (1999) *Papers, 1925–1966*. Charlottesville, VA: University of Virginia Library. Available at: <http://ead.lib.virginia.edu/vivaead/published/uva-sc/vivadoc.pl?file=viu04061.xml> (Accessed: 8 December 2013).
- Krauss, M. (1992) The worlds languages in crisis. *Language*, 68(1), pp. 4–10.
- Kroskrity, P.V. (2010) Language ideologies. *Handbook of Pragmatics*, 14, pp. 1–24.
- Kroskrity, P.V. (n.d.) Language ideologies: Evolving perspectives. pp. 195–200. Available at: https://www.researchgate.net/publication/285809637_Language_ideologies_Evolving_perspectives (Accessed: 12 December 2024).
- Kroskrity, P.V. (2000) Regimenting languages. In: P.V. Kroskrity (ed.) *Regimes of Language: Ideologies, Polities, and Identities* (School of American Research Advanced Seminar Series). Santa Fe, NM: School of American Research Press; Oxford: James Currey, pp. 1–34.
- Lippi-Green, R. (2012) *English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States*. 2nd ed. London and New York: Routledge. 384 p.
- Lippi-Green, R. (2011) The standard language myth. In: *English with an Accent*. London: Routledge, pp. 55–65.
- Rutten, G. (2016) Standardization and the myth of neutrality in language history. *International Journal of the Sociology of Language*, 242, pp. 25–57.
- Silverstein, M. (1979) Language structure and linguistic ideology. In: P. Clyne, W. Hanks and C. Hofbauer (eds) *The Elements*. Chicago: Chicago Linguistic Society, pp. 193–248.
- Spotti, M. (2011) Modernist language ideologies, indexicalities and identities: Looking at the multilingual classroom through a post-Fishmanian lens. *Applied Linguistics Review*, 2, pp. 29–50.
- Standard English. (n.d.) Available at: <https://www.hellovaia.com/explanations/english/international-english/standard-english/> (Accessed: 7 December 2024).
- Strevens, P. (1981) What is Standard English? *RELC Journal*, 12(2), pp. 1–9.
- Swift, J. (n.d.) *A Proposal for Correcting, Improving and Ascertaining the English Tongue*. Available at: <https://jacklynch.net/Texts/proposal.html> (Accessed: 7 December 2024).
- Wallace, A.F.C. (1956) Revitalization movements. *American Anthropologist*, 58, pp. 264–281.
- Weinreich, U. (2010) *Languages in Contact: Findings and Problems*. Berlin: Walter de Gruyter. 160 p.
- Woolard, K. (2021) Language ideology. In: J. Stanlaw (ed.) *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, pp. 1–21.

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация.
Адрес: 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7–9.
Эл. адрес: mamikhail@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0441-7845>

Марусенко Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация.
Адрес: 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7–9.
Эл. адрес: nmm.spb@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3347-1373>

Mikhail A. Marusenko – DSc (Linguistics), Professor, Saint Petersburg State University, Russia.

Address: Universitetskaya Emb. 7–9, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034.

Email: mamikhail@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0441-7845>

Natalia M. Marusenko – PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Russia.

Address: Universitetskaya Emb. 7–9, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034.

Email: nmm.spb@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3347-1373>

Для цитирования: *Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковые идеологии в эпоху постмодерна // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 25–41. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-25-41*

For citation: *Marusenko M.A., Marusenko N.M. Language ideologies in the postmodern era // Sociolinguistica. 2025. No. 3 (23). Pp. 25–41. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-25-41*

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 07.12.2024;
approved after reviewing 10.03.2025;
accepted for publication 17.06.2025.